

Новое о вологодском окружении

К. Н. Батюшкова

(доктор И. И. Энгельмейер)

Фамилия доктора, лечившего душевнобольного К. Н. Батюшкова в Вологде, установлена В. А. Кошелевым¹ на основании годовых отчетов племянника поэта, сына его старшей сестры Анны, Г. А. Гревенса (в январе 1833 года он был назначен опекуном своего родного дяди). К началу 1840-х годов состояние Константина Николаевича заметно улучшилось². Была ли в этом прямая заслуга И. И. Энгельмейера, пользовавшего К. Н. Батюшкова с 1833 по 1841 год³, или ослабление недуга отнюдь не связано с искусством врачевания, неизвестно, и, думается, не столь важно. И. И. Энгельмейер был рядом с К. Н. Батюшковым в течение десяти лет, самых трудных из двадцати двух прожитых больным поэтом в Вологде. Годовые отчеты Г. А. Гревенса⁴ подтверждают свидетельство П. И. Савваитова⁵: вплоть до середины 1840-х годов Константин Николаевич жил отдельно от своих родственников. Ближайшее окружение К. Н. Батюшкова составляли его компаньон «штабс-ротмистр Львов»⁶ и И. И. Энгельмейер. Этими обстоятельствами определяется особый интерес к «домовому доктору» поэта.

«Биография есть воссоздание человека, каким он был в действительности», — утверждает один из американских исследователей⁷. Эта задача представляется нам трудной, иногда практически невыполнимой. Согласимся с А. И. Рейтблатом — «легко составить послужной список персонажа, но трудно понять мотивы его поведения, определить, что значимо, а что не значимо для *его* биографии, осмыслить ее как целое»⁸. Результативность биографической реконструкции определяется, на наш взгляд, не только «готовностью биографа войти в мир другого человека»⁹, но и характером фактологического материала. Среди многочисленных документов, обнаруженных нами в Государственном архиве Вологодской области, наибольшую ценность представляют формулярный список 1832 года и дело 1843 года «Об увольнении со службы инспектора Вологодской врачебной управы статского советника Ивана Ивановича Энгельмейера», а они позволяют восстановить лишь внешнюю, событийную сторону жизни еще одного лица из вологодского окружения К. Н. Батюшкова.

И. И. Энгельмейер был немцем лютеранского вероисповедания и происходил «из граждан Королевства Баварского города Меммингена»¹⁰. По данным формулярных списков, в 1832 году ему 52 года

(л. 1 об.), в 1843 — 62 года¹¹. Значит, И. И. Энгельмейер родился в 1780 или 1781 году и был старше К. Н. Батюшкова на шесть-семь лет, разница (в том возрасте, когда они встретились как врач и пациент) малозаметная. Они принадлежали к одному поколению. Первоначальное образование будущий доктор медицины получил в «городовом лицее» (вероятно, речь идет о Меммингене), где И. И. Энгельмейер обучался «латинскому, немецкому, французскому и греческому языкам, философии, физике, математике и истории» (л. 1 об. — 2). По-видимому, в Россию Иоганна привезли в восьми — или девятилетнем возрасте. Так он стал Иваном, а потом Иваном Ивановичем. Подобно многим своим соотечественникам, устремившимся в Россию, он должен был служить своей второй родине там, где в иностранцах больше всего нуждались. С 1789 по 1798 год И. И. Энгельмейер учился в Московской медико-хирургической академии (л. 2). Четыре года (с 1798 по 1802) службы волонтером (а это была хорошая жизненная и профессиональная школа) помогли молодому человеку в августе 1802 года блестяще выдержать «генеральный экзамен». И. И. Энгельмейер «удостоен кандидатом хирургии» (л. 2) — подробность, драгоценная для биографа, потому что это факт, за которым угадываются характер, личность. Ученая степень кандидата присваивалась в дореволюционной России лицам, окончившим высшие учебные заведения с отличием. Чтобы добиться таких успехов в хирургии, нужны не только прилежание и упорство, необходим большой талант. 13 апреля 1803 года Ивану Энгельмейеру была «поручена должность прозекторского помощника в Московской медико-хирургической академии» (л. 2 об.). Он занимался вскрытием трупов и, следовательно, имел практику, пусть непродолжительную — чуть более полугода, — но чрезвычайно полезную для хирурга. 13 ноября 1803 года И. И. Энгельмейер был назначен «лекарем госпиталя» (л. 2 об.), а 18 октября 1804 года определен в 20-й Егерский полк.

Военная служба И. И. Энгельмейера продолжалась почти одиннадцать лет, исполненных трудов и опасности. В «военных» биографиях И. И. Энгельмейера и К. Н. Батюшкова много общего. Не исключено, что потом, когда они встретились в Вологде как «домовый доктор» и пациент, это *общее* стало предметом воспоминаний и разговоров. Оба служили в егерских полках. И. И. Энгельмейер в 20-м и 32-м, К. Н. Батюшков — в лейб-гвардии Егерском. Их военные дороги то пролегли почти рядом, то далеко убегали друг от друга, чтобы через годы снова сойтись. Война с Наполеоном началась для Ивана Энгельмейера 26 августа 1805 года, когда его полк отбыл на военном корабле из Кронштадта и высадился на острове Рюген. Вместе с 20-м Егерским полком лекарь прошел через Шведскую Померанию, герцогство Мекленбург, Королевство

Прусское и «вступил в российские пределы» (л. 3). В поход против Наполеона сотенный начальник Петербургского милиционного батальона Константин Батюшков выступил в начале марта 1807 года, когда И. И. Энгельмейер уже получил боевое крещение при деревне Черкове, под Пултуском и Прейсиш-Эйлау (л. 4). Гейльсберг был первым пунктом на театре военных действий, где они оказались в одно время.

О Гейльсбергски поля! В то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
Что я, мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну...¹² —

писал поэт, вспоминая события 28—29 мая 1807 года. «В воздаяние отличной храбрости, оказанной» К. Н. Батюшковым «в сражении при Гейльсберге и Лаунау противу французских войск»¹³, он был пожалован кавалером ордена святой Анны 2-й степени. Такую же награду коллежский советник И. И. Энгельмейер получит в 1824 году «за ревностную и усердную службу» (л. 5). В конце мая 1809 года, когда для прапорщика лейб-гвардии Егерского полка Константина Батюшкова уже завершилась русско-шведская война (он участвовал в походе на Аландские острова), И. И. Энгельмейер находился в Галиции. Шла русско-турецкая война. В составе 32-го Егерского полка штаб-лекарь, старший лекарь 2-го класса И. И. Энгельмейер (л. 2 об. — 3) проделал длинный путь через Молдавию и Валахию, форсировал Дунай, в мае 1810 года он стоял при блокаде крепости Варны и был «при взятии штурмом города Базарджик» (л. 5). В отличие от К. Н. Батюшкова И. И. Энгельмейер участвовал в кампании 1812 года почти с самого ее начала. Его полк сражался на реке Березине и преследовал изгнанного врага за пределами России. В формулярном списке И. И. Энгельмейера значатся «осада и покорение крепости Торно», сражения у Бауцена, на реке Кацбах, в Силезии, под Дрезденом, при Бриене, Ла-Ротьере, Монмирале, Лаоне и Суассоне. И, наконец, битва за Париж... (л. 6). Зачисленный 29 марта 1813 года в Рыльский пехотный полк штаб-капитан К. Н. Батюшков догнал русскую армию под Дрезденом. 15 августа он сражался в бою близ Теплица, 4 октября — участвовал в «битве народов» под Лейпцигом. Военные дороги И. И. Энгельмейера и К. Н. Батюшкова закончились в столице Франции. Оба были свидетелями капитуляции Парижа и торжества победоносной русской армии. Оба пробыли в Париже какое-то время, но едва ли встретились... Адъютанту генерала Н. Н. Раевского Константину Батюшкову и штаб-лекарю 32-го Егерского полка Ивану

Энгельмейеру было трудно, практически невозможно найти друга на войне. Из заграничного похода они возвратились с наградами. За сражение под Лейпцигом К. Н. Батюшков был пожалован орденом святой Анны 2-й степени. Энгельмейер получил серебряную медаль «за нахождение в 1812 году в сражениях» и орден святого Владимира 4-й степени — за «отличную деятельность, оказанную при подаании помощи больным и раненым во время кампании 1812 года против французских войск» (л. 4, 4 об. — 5). В формулярном списке доктора И. И. Энгельмейера названы и другие почетные награды: бронзовая медаль (за «пожертвование в 1812 году») и серебряная («в память вступления российской армии в Париж» — л. 5, 6).

В феврале 1815 года коллежский ассессор И. И. Энгельмейер был «уволен от военной службы за болезнь» и 17 сентября того же года определен в Вологодскую врачебную управу инспектором (л. 5). Из документов видно, что его карьера на новом месте складывалась вполне благополучно. Уже через полгода (в феврале 1816 года) И. И. Энгельмейер произведен в надворные советники, через шесть лет — в коллежские; чином статского советника он был награжден в феврале 1826 года (л. 5, 5 об. — 6). С 1819 года Иван Иванович (помимо инспекторских обязанностей) «исправлял должность врача при больнице Вологодской духовной семинарии с получением 300 рублей жалованья в год»¹⁴. Его службой довольны, ему явно благоволят. В 1824 году дважды (с интервалом в три месяца) он был пожалован «за ревностную и усердную службу» орденами святой Анны 3-й и 4-й степени (л. 506.). Дважды (в 1834 и 1839 годах) «высочайшим особенным благоволением» отмечены труды И. И. Энгельмейера «на пользу заключенных узников» (в звании директора Вологодского попечительного комитета о тюрьмах он был утвержден 12 февраля 1827 года)¹⁵. По-видимому, в губернском городе Вологде Иван Иванович Энгельмейер — личность известная и уважаемая, по крайней мере, среди интеллигенции. Приведем один, но характерный пример. В ноябре 1843 года помещик Александр Алексеевич Холмов освободил от крепостной зависимости Платона Семеновича Тюрина, будущего академика живописи. Свидетелями при получении вольной были инспектор Вологодской гимназии Федор Николаевич Фортунатов и Иван Иванович Энгельмейер¹⁶. Событие и соседство имен глубоко значимые.

Однако в биографии И. И. Энгельмейера есть факты, бросающие тень на его репутацию. В 1828 году он находился «под судом». И. И. Энгельмейера обвиняли в «лихоимстве», то есть во взяточничестве: как доктор он участвовал в «освидетельствовании рекрутов». Правительствующий Сенат принял 9 июля 1829 года «соломоново» решение: «законными доказательствами не обличен, а оставлен

под подозрением» (л. 2, 3). Эту компрометирующую запись из формулярного списка инспектора Вологодской врачебной управы еще можно как-то объяснить. И. И. Энгельмейер оказался «под судом» за «показанное на него лихоимство» (курсив мой. — Р. Л.). Обычный навет — и только... Но как быть с отставкой И. И. Энгельмейера, неожиданной, скандальной и оскорбительной для кавалера трех орденов. Иван Иванович был уволен без награждения следующим чином, без права «на сохранение мундира», без аттестата и пенсии. И. И. Энгельмейера отправили в отставку 3 мая 1843 года, «согласно его прошению». Иван Иванович подал его, подчиняясь обстоятельствам. 31 марта 1843 года статскому советнику И. И. Энгельмейеру «в числе прочих членов врачебной управы» был объявлен «строжайший выговор» за «доведение судебной медицинской части в губернии до совершенного упадка». 22 сентября 1843 года Вологодское губернское правление направило министру внутренних дел «Докладную записку», в которой обстоятельно, со ссылкой на соответствующие статьи Свода российских законов, обосновывалось право штаб-лекаря И. И. Энгельмейера на «чин и мундир при отставке». Ответ последовал незамедлительно: «Энгельмейер службою своею не сохранил права на означенные награды»¹⁷. В деле «Об увольнении <...> инспектора Вологодской врачебной управы статского советника Ивана Ивановича Энгельмейера» много неясного. Почему местные власти вступились за него? Спасали честь мундира или считали решение министра пристрастным? (Заметим, что формулы официального документа плохо скрывают раздражение столичного начальства). И. И. Энгельмейер был наказан «в числе прочих членов» врачебной управы. Его персональная вина не определена. Возможно, ее и не пытались установить или, напротив, она казалась совершенно очевидной только потому, что И. И. Энгельмейер оставался «под подозрением». Скандал в Вологодской врачебной управе не мог не получить огласки. Но, кажется, на отношение достойных людей к И. И. Энгельмейеру эта история не повлияла. (Напомним, в ноябре 1843 года, спустя несколько месяцев после отставки штаб-лекаря, вместе с И. И. Энгельмейером в качестве свидетеля при освобождении от крепостной зависимости П. С. Тюрина выступил Ф. Н. Фортунатов, человек безупречной нравственной репутации)¹⁸.

О частной жизни Ивана Ивановича известно немного. Он был женат на дворянке Екатерине Васильевне Олешевой¹⁹. В 1832 году за нею числилась 171 душа крестьян в Грязовецком и Вологодском уездах (л. 1 об.). Собственное благоприобретенное имение И. И. Энгельмейера составляли две души дворовых людей (л. 1 об.). Большая семья (три сына: Василий, Аполлон, Клемент, и пять дочерей: Юлия, Лидия, Еликамида, Людмила и Лариса — л. 2) проживала во второй части Вологды, в Дворянской улице, в доме

под № 822²⁰. Он принадлежал Екатерине Васильевне. Судьба благоволит И. И. Энгельмейеру: за десять лет (с 1832 по 1843) он похоронил жену и двоих детей — Василия и Юлию²¹. Иван Иванович скончался 19 июля 1854 года²², знаменитый пациент пережил своего доктора на год без нескольких дней...

Естественен вопрос, почему врачом Константина Николаевича стал именно И. И. Энгельмейер? Как объяснить выбор Г. А. Гревенса? Отчего опекун не прибегнул к услугам Ивана Петровича Глазова²³ (1770 — не ранее 1850²⁴), домашнего врача Батюшковых и Шипиловых, лечившего поэта²⁵ и его сестер? Судя по письмам Константина Николаевича, добрые отношения между ним и оператором Вологодской врачебной управы штаб-лекарем И. П. Глазовым установились еще в 1810—1817 годах²⁶. Уволенный от должности «по прошению за болезнь» в 1817 году²⁷, Иван Петрович по-прежнему живет в Вологде²⁸. В 1830 году дворяне Кадниковского уезда единогласно избирают его кандидатом в совестные судьи²⁹. По-видимому, бывший штаб-лекарь здоров, полон энергии и, конечно же, имеет частную практику. Известно, что душевнобольной поэт (особенно в первые годы его жизни в Вологде) болезненно реагировал на посторонних. Выбирая врача, Г. А. Гревенс не мог не учитывать этого обстоятельства, и потому естественно предположить, что знакомство К. Н. Батюшкова и И. И. Энгельмейера могло состояться после заграничного похода. (Напомним, с сентября 1815 года уволенный от службы старший лекарь Энгельмейер служил инспектором Вологодской врачебной управы — л. 4 об. — 5.) Однако из «Краткой летописи жизни и творчества К. Н. Батюшкова», составленной В. А. Кошелевым, видно, что последний раз поэт ездил в родной город в декабре 1812 года «для свидания с родными и П. А. Вяземским»³⁰. Остается думать, что у И. И. Энгельмейера был опыт лечения душевнобольных; впрочем, об истинных причинах, побудивших опекуна поэта остановить свой выбор на И. И. Энгельмейере, мы никогда не узнаем.

Как складывались отношения штаб-лекаря и больного поэта? Читал ли Иван Иванович стихи К. Н. Батюшкова? Понимал ли, с каким человеком свела его судьба? Найдём ли мы когда-нибудь ответы на эти вопросы, покажет время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кошелев В. Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки. — Архангельск, 1985. — С. 134.

² См. об этом: Кошелев В. Константин Батюшков: Странствия и страсти. — М., 1987. — С. 336—337.

³ Последний раз фамилия И. И. Энгельмейера упоминается в годовом отчете Г. А. Гревенса за 1841 год, хотя записи об оплате услуг доктора встречаются

ся и позже (например, в отчетах за 1843—1845 годы). — ИРЛИ. Ф. 19. Ед. хр. 56. Батюшков К. Н. Бумаги, относящиеся к опеке над его имуществом. 1833—1854. Л. 79, 84, 92.

⁴ Записи типа: «За наем дома у священника Васильевского» исчезают с 1846 года — ИРЛИ. Ф. 19. Ед. хр. 56.

⁵ Письмо П. И. Савваитова М. П. Погодину от 17 февраля 1841 года / Публ. В. А. Кошелева // История в лицах: Историко-культурный альманах. — Череповец, 1993. — Вып. 1. — С. 157.

⁶ Установлено В. А. Кошелевым. См.: *Кошелев В.* Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки... — С. 134. Возможно, компаньоном Батюшкова был вологодский дворянин, штабс-ротмистр Александр Сергеевич Львов. В 1837 году он безуспешно баллотировался в заседатели Вологодского уездного суда — ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 1067 об.

⁷ Цит. по: *Валевский А. Л.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // *Лица: Биографический альманах.* — М.; СПб., 1995. — Вып. 6. — С. 49.

⁸ От составителя // *Лица: Биографический альманах...* — С. 3.

⁹ *Валевский А. Л.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла... — С. 37.

¹⁰ Формулярный список о службе членов Вологодской врачебной управы и уездных медицинских чиновников — ГАВО. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1 об. В дальнейшем ссылки на этот документ (с указанием листов) даются в тексте.

¹¹ Об увольнении со службы инспектора Вологодской врачебной управы статского советника Ивана Ивановича Энгельмейера — ГАВО. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 2166. Л. 13 об.

¹² *Батюшков К. Н.* Соч.: в 2 т. — М., 1989. — Т. 1. — С. 172.

¹³ Цит. по: *Кошелев В.* Константин Батюшков: Странствия и страсти. — С. 73.

¹⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 2166. Л. 14 об. — 15.

¹⁵ Там же. Л. 15, 15 об.

¹⁶ Приношу сердечную благодарность М. Е. Даен, сообщившей мне эти сведения.

¹⁷ ГАВО. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 2166. Л. 6, 21 об., 13—19, 21 об.

¹⁸ О Ф. Н. Фортунатове — педагоге, краеведе, «неофициальном» редакторе «Вологодских губернских ведомостей», и его роли в культурной жизни Вологды 1830—1840-х годов см.: *Кошелев В.* Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки... С. 215—218.

¹⁹ ГАВО. Ф. 178. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 9.

²⁰ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 572. Л. 296 об. — 297.

²¹ Там же. Ф. 14. Оп. 2. Ед. хр. 2166. Л. 17.

²² Там же. Ф. 178. Оп. 1. Ед. хр. 2672. Л. 1 об.

²³ См. о нем: Письма Н. Л. Батюшкова к К. Н. Батюшкову / Публ. Р. М. Лазарчук // *Русская литература.* — 1992. — № 4. — С. 77.

²⁴ ГАВО. Ф. 178. Оп. 1. Ед. хр. 1053. О совершении купчей крепости на проданное имение с землей коллежским советником Иваном Петровичем Глазовым крестьянину Петру Лапину. 18 мая 1850 года. 5 л.

²⁵ Наиболее ранний из известных нам случаев обращения К. Н. Батюшкова к этому врачу относится к декабрю 1809 года. См.: Письма Н. Л. Батюшкова к К. Н. Батюшкову... — С. 76.

²⁶ «Болезнь Варечки прошла, но из письма я вижу, что она очень страдала. Благодарен от всего сердца Глазову, что он ей помог» (А. Н. Батюшковой. 29 сентября 1815) или: «Сестры зовут в Вологду. Если боль позволит, то я поеду, ибо мне надобно посоветоваться с Глазовым...» (А. Н. Батюшковой. <Начало марта 1817>). См.: *Батюшков К. Н. Соч.:* в 2 т. — Т. II... — С. 351, 427, 463.

²⁷ ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 5 об.

²⁸ По данным Обывательской книги города Вологды за 1830 год, коллежский советник И. П. Глазов живет в собственном доме, «состоящем во второй части, во Владимирском приходе, под № 920» — ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 572. Л. 38 об.

²⁹ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 210.

³⁰ *Батюшков К. Н.* Нечто о поэте и поэзии. — М., 1985. — С. 402.